

ферат диссертации ... кандидата социологических наук / Наталья Эдуардовна Ракитина. Хабаровск: Тихоокеан. гос. ун-т, 2017. 24 с. Текст: непосредственный.

5. Филипова, А. Г. Социальное пространство детства: принципы маркирования территорий / А. Г. Филипова. Текст: электронный // Журнал исследований социальной политики. 2012. № 1. С. 79–94. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-prostranstvo-detstva-printsipy-markirovaniya-territoiy>.

УДК 94(47).084.8

С. Л. Разинков

S. L. Razinkov

*ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», Екатеринбург
Russian state vocational pedagogical university, Ekaterinburg
sergerazinkov@mail.ru*

**ПРИЗЫВ МОЛОДЕЖИ
В ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ТРУДОВЫЕ РЕЗЕРВЫ В 1940-Е ГГ.:
СОЦИАЛИЗАЦИЯ ИЛИ УКРАДЕННОЕ ДЕТСТВО¹**

**YOUTH' MOBILIZATION INTO STATE LABOR RESERVES
IN THE 1940 S: SOCIALIZATION OR STOLEN CHILDHOOD**

Аннотация. В статье рассматриваются современные историографические оценки социальных последствий массового призыва молодежи в учебные заведения Государственных трудовых резервов в 1940-е гг., приводятся примеры, как массового нарушения прав учащихся, так и их успешной социализации.

Abstract. The article examines modern historiographic assessments of the social consequences of the mass recruitment of young people to educational institutions of the State Labor Reserves in the 1940s, examples of both massive violations of the rights of students and their successful socialization are given.

Ключевые слова: Государственные трудовые резервы; права учащихся; ремесленные училища; школы ФЗО.

Keywords: State labor reserves; student rights; vocational schools; schools FZO.

Государственные трудовые резервы СССР (1940–1959 гг.) были созданы для «организованной подготовки новых рабочих из городской и колхозной молодежи и создания необходимых трудовых резервов для промышленности». СНК СССР предоставлялось право ежегодно призывать на

¹ Статья написана в рамках исследования, выполняемого за счет средств РФФИ (проект № 19–09–00396).

учебу от 800 тыс. до 1 млн молодых людей в возрасте 14–15 лет для обучения в ремесленных и железнодорожных училищах и в возрасте 16–17 лет для обучения в школах фабрично-заводского обучения. Учащиеся находились на казарменном положении и состояли на полном государственном обеспечении (питание, обмундирование, общежитие, учебники, учебные пособия) [О государственных трудовых резервах СССР: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 02.10.1940. Текст: непосредственный // Правда. 1940. 3 октября]. Число учащихся, принятых в училища и школы ФЗО государственных трудовых резервов в первый период их существования приведено в табл. 1

Таблица 1

Количество учащихся, призванных в учебные заведения государственных трудовых резервов СССР в 1940–1943 гг., чел.

Период	Всего		В том числе	
	План	Факт	РУ и ЖУ	школы ФЗО
1940	600000	602014	345009	257005
1941	806840	688034	307420	380614
1942	874675	814609	226514	588095
1943	783695	711718	230289	481429

Комплектование контингента учащихся в системе трудовых резервов проводилось как посредством призыва (мобилизации), так и путем открытого (добровольного) набора, при этом первый механизм (несмотря на значительное количество добровольцев в отдельные временные периоды) имел приоритет для функционирования системы в целом.

Современные историки неоднозначно оценивают деятельность государственных трудовых резервов, подчеркивая, в первую очередь принудительный, мобилизационный характер комплектования системы трудовых резервов, ее антигуманистическую сущность и высокую социальную цену результатов деятельности. Профессор университета Восточного Лондона Дональд Фильцер отмечал, что учащиеся учебных заведений трудовых резервов представляли собой «группу временно закабаленных рабочих... В октябре 1940 г. сталинский режим фактически ввел систему трудовой повинности для молодых людей в возрасте от 14 до 17 лет» [3, с. 56]. С. П. Постников и М. А. Фельдман в своей монографии подчеркивают очень высокую социальную цену, сложность и противоречивость деятельности трудовых резервов, которые «основывались на принуждении молодежи при комплектовании учебных заведений и в ходе учебного процесса» [2, с. 202]. А. А. Антуфьев высказал мнение, что трудовые мобилизации

и насильственные призывы подростков в ремесленные училища и школы ФЗО не оправдали себя – допуская правомерность и даже неизбежность введения трудовой повинности в условиях войны, он отмечал, что «мобилизовывать рабочую силу следовало цивилизованными средствами, предоставляя людям максимально возможные в той обстановке условия труда и быта», а не «бериевскими методами» [1, с. 317].

Британский исследователь Ольга Кучеренко делает акцент на изучении положения детей, оказавшихся вовлеченными в процесс индустриального развития страны, рассматривая в этой связи государственные трудовые резервы как органичную часть сталинской тоталитарной системы, нацеленной на социализацию и идеологическую обработку молодежи, лишенной права выбора профессии ради обеспечения нужд промышленности. В работе «Государство против Данилы Кузьмича» она противопоставляет идеологические цели и пропагандистский образ мобилизации в Государственные трудовые резервы реальному положению учащихся училищ и школ ФЗО, по сути, лишенных детства, делая вывод о том, что «условия жизни и труда всех советских рабочих во время войны были ужасны, но рабочие-подростки и учащиеся трудовых резервов обычно влачили гораздо более жалкое существование, чем их взрослые коллеги. Они работали дольше, чем разрешено законодательством, получали более низкую заработную плату и, в случае, если их забирали от родителей, страдали от ужасного окружения, которое часто толкало их на путь столкновения с законом. По существу, они скорее походили на беспризорников эпохи гражданской войны, ведущих полукриминальное существование, чем на умных, ухоженных, дисциплинированных и умелых ребят из официальной литературы» [5, р. 393].

Несмотря на отдельные неточности (например, утверждение о безусловном запрете в КЗОТ РСФСР 1922 г. приема на работу лиц моложе 16 лет) многие утверждения, приводимые О. Кучеренко относительно «украденного детства», вполне резонны и находят подтверждение в источниках.

Во-первых, принудительный характер набора (преимущественно в школы ФЗО), который, как правило, не учитывал профессиональные предпочтения мобилизованных учеников. Учащиеся, привезенные из других регионов, представляли собой преимущественно сельских жителей, с невысоким уровнем образования, отобранных по остаточному принципу и принудительно отправленных за сотни километров от дома для обучения и использования на чуждых им физически тяжелых или неквалифицированных, невостребованных среди местной молодежи, работах. Так, ребята из Кировской области, привезенные в ноябре 1945 г. в школу ФЗО

№ 36 динасового завода, хотели бы «учиться на более высокую квалификацию, чем прессовщики огнеупора», а среди молодежи из Башкирии, мобилизованной в шахтерскую школу ФЗО № 10, «было распространено мнение, что в шахте погибают ежедневно люди по несколько человек, о чем они писали письма на родину, мотивируя этим свое намерение оставить школу» [Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), ф. 236, оп. 5, д. 82, л. 67–68, 71]; в отчете мобилизационного отдела Свердловского областного управления трудовых резервов за 1949 г. отмечалось, что «прибывшая [из Тамбовской области] молодежь отказывалась спускаться в шахты», т. к. при наборе была ориентирована на профессии токарь и слесарь [Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. Р-2033, оп. 1, д. 44, л. 5].

Низкой мотивации призывников способствовало устойчиво негативное отношение к обучению в ремесленных училищах, не говоря уже о школах ФЗО, которое сложилось у многих учащихся средних школ, их родителей и работников Наркомпроса. Например, зам. директора по политчасти Свердловского ремесленного училища № 18 Харалдин в проекте своей статьи для газеты «Уральский рабочий» под названием «Почему бегут» (о причинах дезертирства из ремесленных училищ) приводил несколько примеров подобного отношения: «...Был такой факт в ноябре в 1942 г. в гор. Свердловске, в школе № учительница на уроке заявляет, что если кто плохо будет вести себя и получать плохие отметки, того в первую очередь отправят в ремесленное училище. И дальше: в Свердловске, Ленинский район, т. Болотова дала установку директорам школ, чтобы они отбирали ребят в училище именно по плохим отметкам и плохой дисциплине и наше училище получило от этого района 300 человек, некоторые из них не хотят обучаться, и родители их прикрывают... и эти родители имеют понятие такое, что в училище только одни хулиганы и плохо их здесь учат» [Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), ф. 4, оп. 38, д. 221, л. 38].

Во-вторых, высокий уровень дезертирства среди учащихся учебных заведений. Несмотря на то, что первый набор учащихся в училища и школы ФЗО Государственных трудовых резервов по Свердловской области был проведен «на высоком политическом уровне» и встретил массовую поддержку населения (на 15.300 мест было подано свыше 20.000 заявлений, в результате 12.040 чел. были приняты по добровольному набору), проблема побегов из учебных заведений приобрела определенную остроту уже в первые недели работы училищ и школ. Как отмечалось в решении бюро Свердловского обкома ВКП (б) «Об итогах призыва городской и колхозной молодежи в ремесленные

и железнодорожные училища и начале занятий в них» от 7 декабря 1940 г.: «Вследствие плохой работы по призыву... из школ ФЗО строителей г. Н-Тагил, Свердловск, школ ФЗО горняков (Ревда, Березовск), школ ФЗО металлургов (Серов, Кушва) дезертировало в общей сложности около 300 чел.» [Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), ф. 4, оп. 35, д. 105, л. 11]. Позднее, количество самовольно ушедших и учащих-ся, отчисленных за нарушение правил трудового распорядка, было чрезмерно велико и составляло, например, в 1947 г. в ремесленных и железнодорожных училищах 8 %, а в школах ФЗО – 16 % от общей численности.

В-третьих, на высокую текучесть во многих школах ФЗО и ремесленных училищах влиял специфический состав контингента учащихся, среди которых значительную долю могли составлять ранее судимые подростки (как, например, в Серовском ремесленном училище № 5 в конце 1942 г. из 1200 человек 500 чел. были приняты из мест заключения). В справке ГУТР о передаче освобождаемых несовершеннолетних заключенных в школы ФЗО, РУ и ЖУ (январь 1943 г.) содержалась информация о том, что в Свердловской области «из принятой молодежи 1700 чел. – 200 чел. оказались сильно истощенными, в том числе из принятых в школу ФЗО № 5 (Верхняя Салда) 186 чел. – 40 чел. оказались рецидивистами, которые занялись воровством. Из 150 чел. принятых в школу Асбестовскую школу ФЗО № 13 – 50 человек вновь были арестованы за квартирные кражи, за кражи домашнего скота и обворовывание магазинов...» [Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-9507, оп. 1, д. 204, л. 2об]. Как отмечалось в отчетах Свердловского областного управления трудовых резервов за 1947–49 гг., среди отчисленных за нарушение правил внутреннего распорядка «значительный процент падает за счет совершения воровства и хулиганства, особенно эти проступки проявляются со стороны молодежи, прибывшей из трудовых колоний и детприемников Министерства внутренних дел. Так, например, в январе месяце 1947 г. из колонии имени Матросова Башкирской АССР в Алапаевские школы ФЗО прибыло 85 человек, которые с первых же дней начали заниматься воровством и хулиганством. В школу ФЗО № 6 прибыло 30 чел. из которых за кражу и подлом склада было привлечено к ответственности 15 человек... В Свердловской школе ФЗО из прибывших 14 человек на занятия систематически не выходили, а занимались воровством и пьянством впоследствии часть из них была посажена, а часть самовольно ушли» [Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. Р-2033, оп. 1, д. 44, л. 70–71].

В-четвертых, причины самовольных уходов были связаны с плохими жилищно-бытовыми условиями. Например, в письме нач. отдела по борьбе

с детской беспризорностью и безнадзорностью Леонюка зам. начальника ГУТР Зеленко от 09.11.1943 отмечалось, что «в г. Нижний Тагил находится 5 ремесленных училищ и 8 школ ФЗО, из которых самовольно ушло 678 учащихся, только из одного ремесленного училища № 2 самовольно ушло 229 учащихся. Из ремесленного училища, где директором т. Борзенко самовольно ушло 145 учащихся, что составляет 25 % состава учащихся. В этом училище отсутствует плановость в работе и дисциплина. Бытом учащихся, организацией досуга, ни администрация, ни общественность не занимаются. В общежитии училища грязно, клопы, обнаружена большая вшивость. Учащиеся 15 дней не мылись в бане и 2 месяца не получали мыла. В работе столовой этого училища обнаружен ряд недостатков. Учащимся выдают хлеб на 2–3 дня, предлагая на хлеб купить обувь. Такой совет, по рассказам учеников, давал сам директор училища» [Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-9507, оп. 5, д. 51, л. 85].

В протоколах партсобраний школы ФЗО № 3 систематически подтверждались неудовлетворительные жилищно-бытовые условия: «в общежитии непроходимая грязь, ... некоторые учащиеся спят на тряпках, а не на матрасах, ... кастелянша не меняет белье регулярно, не кипятит его...» (февраль 1941 г.), «плохо обстоит [дело] с подвозкой дров и воды, учащиеся замерзают. У многих из них нет портянок» (сентябрь 1941 г.), «в общежитиях нет кипяченой воды... у учащихся ноги сырые – подсушить негде, умывальников нет, в комнатах грязь, заботы об учащихся нет никакой» (август 1946 г.) [Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), ф. 4000, оп. 1, д. 1, л. 3об-4, 8, 177об-178].

В декабре 1943 г. в письме наркома госбезопасности СССР В. Н. Меркулова начальнику ГУТР П. Г. Москатову сообщалось, что «военной цензурой НКГБ СССР зарегистрировано большое количество писем с жалобами учащихся школ ФЗО и ремесленных училищ Узбекской ССР, Татарской АССР, Куйбышевской, Ярославской, Свердловской и Тульской областей на тяжелые материально-бытовые условия», а также приводились выдержки из писем учащихся. Так, учащийся Нижне-Тагильского РУ № 4 Серебряков писал: «кормят нас гнилой картошкой и капустой. В общежитии холодно. Обувки не дают, на завод хожу чуть-ли не босиком. Ноги все в болячках и нарывах, как ночь, так и реву. Все равно убегу, если не убегу, то сам себя прикончу, только жить здесь не буду», а в письме учащейся Невьянской школы ФЗО (преобразованной в училище) Афанасьевой сообщалось: «в общежитии холодно, света нет, постирать и помыться негде, меня уже начинают вши кусать и нечем спасаться, смены белья нет, средств тоже нет. Жизнь хуже, чем у первобытных людей» [Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-9507, оп. 5, д. 51, л. 87].

Сложнее всего было приспособиться к таким тяжелым условиям именно молодежи, мобилизованной для обучения из других регионов. Не случайно в 1947 г. до 90 % самовольных уходов из школ ФЗО осуществили призывники, завезенные в Свердловскую область извне [Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. Р-2033, оп. 1, д. 44, л. 67]. Например, большая группа (60 чел.) учащихся школы ФЗО № 36 (при Первоуральском динасовом заводе), прибывших из Кировской области, в письме одному из организаторов призыва отмечала: «...Вы, наверно, встретили ноябрьский праздник очень хорошо, а мы здесь очень плохо. На 7 и 8 ноября нам не выдавали даже хлеба. Дорогой тоже не кормили. Все деньги проели. Жилье тоже плохое... просим нам прислать вызов, а то сами приедем» [цит. по: 4, с. 166].

Табл. 2 демонстрирует, что за четыре месяца обучения (к марту 1946 г.) из школ ФЗО Свердловской области сбежало 10–47 % учащихся, мобилизованных из других регионов, что в 2–10 раз превышало относительную долю «дезертиров» среди местных призывников.

Таблица 2

Сведения о количестве учащихся, самовольно оставивших школы ФЗО Свердловской области в ноябре 1945 – феврале 1946 гг. [Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), ф. 236, оп. 5, д. 82, л. 66, 75–77]

Регион, откуда учащиеся были мобилизованы в школы ФЗО	План набора, чел.	Прибыло к 01.11.1945, чел.	Самовольно покинули школу к 01.03.1946	
			чел.	в % к первоначальной численности
Курская обл.	2000	2030	215	10,6
Башкирская АССР	1000	974	388	39,9
Кировская обл.	1000	740	349	47,2
Омская обл.	1000	488	146	29,9
Свердловская обл.	5000	3934	177	4,5
			1275	

Тем не менее, несмотря на многочисленных фактов тяжелого материально-бытового положения учащихся в учебных заведениях Государственных трудовых резервов, представление об их пребывании в училищах и школах ФЗО, как об «украденном детстве», по нашему мнению, недостаточно объективно, как минимум по трем причинам.

Во-первых, подчеркивая принудительный характер призыва в учебные заведения, исследователи зачастую не учитывают различия между ремеслен-

ными, железнодорожными училищами и школами ФЗО, а также специфику конкретных учебных заведений трудовых резервов. Так, добровольцы из определенных районов Свердловской области всегда проявляли большой интерес к обучению в узкоспециализированных училищах – например, молодежь из Верхнее-Тавдинского района в 1940–41 гг. составляла основной контингент учащихся ремесленного училища № 21 при Ширококореченском торфопредприятии. В 1949 г. благодаря агитационно-разъяснительной работе (оповещение молодежи о проведении призыва через местную печать и радио, организация выставок изделий учащихся и агитационных автомотопробегов, проведение массовых гуляний по случаю выпуска и дней открытых дверей в ремесленных училищах) ремесленные училища добились больших успехов в привлечении добровольцев – например, в железнодорожном училище № 2 на 250 мест было подано 1318 заявлений, а в РУ № 21 на 125 мест – 176 заявлений, зачислено 62 чел., из них 42 с образованием 6–7 классов» [Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. Р-2033, оп. 1, д. 44, л. 30–31].

Табл. 3 показывает высокую вариацию в количестве учащихся, самовольно покинувших ремесленные училища Свердловской области, что может свидетельствовать о существенных различиях в материально-бытовых условиях нахождения учащихся в конкретных училищах.

Таблица 3

Количество учащихся, сбежавших из РУ в III квартале 1943 г., чел.

Название училища	Контингент	Сбежало, чел.	%
1	2	3	
Камышловское ЖУ № 1	715	14	2,0
Красноуфимское ЖУ № 2	567	13	2,3
Свердловское ЖУ № 3	113	50	44,2
Свердловское РУ № 1	1332	151	11,3
Н-Тагильское РУ № 2	791	175	22,1
Свердловское РУ № 3	951	26	2,7
Н-Тагильское РУ № 4	901	54	6,0
Серовское РУ № 5	904	28	3,1
Первоуральское РУ № 6	823	123	14,9
Ревдинское РК № 7	688	74	10,8
Красноуральское РУ № 8	881	16	1,8
Нижне-Тагильское РУ № 9	568	141	24,8
Серовское РУ № 10	574	29	5,1
Нижне-Салдинское РУ № 11	355	19	5,4
Асбестовское РУ № 12	519	10	1,9
Баранчинское РУ № 13	430	19	4,4
Кировградское РУ № 14	853	22	2,6

Продолжение табл. 3

1	2	3	
Полевское РУ № 15	577	33	5,7
Егоршинское РУ № 16	402	12	3,0
Первоуральское РУ № 17	нет данных	–	–
Свердловское РУ № 18	762	26	3,4
Верхне-Туринское РУ № 19	651	0	0,0
Ново-Лялинское РУ № 20	608	10	1,6
Свердловское РУ № 21	507	0	0,0
Ново-Уткинское РУ № 22	231	23	10,0
Свердловское РУ № 23	282	1	0,4
Первоуральское РУ № 24	202	17	8,4
Нижне-Тагильское РУ № 25	1112	116	10,4
Артинское РУ № 26	227	19	8,4
Верхне-Салдинское РУ № 27	407	16	3,9
Нижне-Тагильское РУ № 28	428	75	17,5
Свердловское РУ № 29	212	20	9,4
Каменское РУ № 30	265	9	3,4
Свердловское РУ № 31	401	13	3,2

Во-вторых, положение учащихся учебных заведений трудовых резервов рассматривается в отрыве от общего уровня жизни населения СССР. По нашему мнению, жилищно-бытовые условия в учебных заведениях трудовых резервов во многом отражали общий уровень жизни большинства населения СССР в военный и послевоенный период, и для определенной части выпускников училищ и школ ФЗО, направленных на предприятия, эти условия могли быть гораздо хуже, чем в период обучения. Например, молодые работницы завода № 18 (г. Свердловск), выпущенные из ремесленного училища в октябре 1945 года, в коллективном письме в Свердловский обком ВКП(б), жалующься на плохие жилищно-бытовые условия, помимо прочего отмечали, что «в р [емесленном] у [чилище] мы питались три раза [в день], а теперь с трехразового питания перешли на односуточное, т. е. в 12 часов дня во время обеденного перерыва.... Со стороны родителей помощи не имеем, мы бывшие воспитанники детдома. Заработок, который мы получаем слишком мал, нам его не хватает на питание, а уж чтобы одеться, даже нет разговору...» [Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), ф. 4, оп. 41, д. 148, л. 59].

В-третьих, не учитывается, деятельность учебных заведений по развитию и воспитанию учащихся, повышению их культурного уровня. Отмечая низкий культурный уровень молодежи, завезенной в учреждения трудовых резервов Свердловской области из других регионов, начальник областного управления Путинцев (в качестве типичного примера) в 1943 г.

рассказал участникам Всесоюзного совещания начальников городских, областных, краевых и республиканских управлений трудовых резервов о девушке из Марийской АССР, которая «...когда приехали [в Свердловскую область], считала, что в цирк нельзя ходить, туда ходят только испорченные женщины, что в кино нельзя ходить – кино портит глаза» [Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-9507, оп. 1, д. 80, л. 12]. В училищах и школах ФЗО много внимания уделялось развитию художественной самодеятельности и спорта, созданию условий для разумного отдыха и развлечений (исходя, в том числе, из установки М. И. Калинина о том, чтобы из «ребят искусственно не делали стариков»). В учебных заведениях трудовых резервов Свердловской области в 1943 году имелось 84 красных уголка и 17 клубов (в 1942 г. было только 6 клубов), 10 духовых и струнных оркестров, около 280 кружков художественной самодеятельности (хоровых, драматических, танцевальных), было проведено 250 внутришкольных военно-физкультурных соревнований с охватом 22100 учащихся и 300 других внутришкольных спортивных соревнований по отдельным видам с охватом 11200 учащихся [Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-9507, оп. 1, д. 294, л. 2–48].

Таким образом, в общей иерархии властных интересов сталинской эпохи, реализуемых, в том числе, и системой Государственных трудовых резервов, обеспечение интересов учащихся признавалось, но сами принципы организации системы изначально ставили эти интересы в жесткое подчинение интересам государства. И там, где между ними возникало противоречие, интересами учащихся можно и должно было пренебречь. Ученик на каждом этапе своего ученического пути (призыв, следование к месту учебы, обучение, трудоустройство на предприятие) не обладал никакой самостоятельностью в определении своей судьбы, располагал минимальными средствами отстаивания своих прав перед установленными системой полновластными начальниками (членами призывных комиссии, начальниками эшелонов, директорами и мастерами в училищах, директорами и даже кадровыми рабочими на предприятиях). Его интересы всецело зависели от профессиональных качеств, порядочности, просто доброй воли других людей.

Список литературы

1. *Антуфьев, А. А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны / А. А. Антуфьев. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. 338 с. Текст: непосредственный.

2. *Постников, С. П.* Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900–1940 гг. / С. П. Постников, М. А. Фельдман. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 228 с. Текст: непосредственный.

3. *Фильцер, Д.* Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны / Д. Фильцер; пер. с англ. А. Л. Раскина. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 359 с. Текст: непосредственный.

4. *Чернышева, Н. В.* Трудовые миграции населения Кировской области в 1945–1967 годы / Н. В. Чернышева, А. В. Бровцин. Киров: Изд-во Радуга-ПРЕСС, 2015. 234 с. Текст: непосредственный.

5. *Kucherenko, O.* State v. Danila Kuz'mich: Soviet Desertion Laws and Industrial Child Labour during World War II / O. Kucherenko. Текст: непосредственный // *The Russian Review*. 2012. № 71. P. 391–412.

УДК 159.9

В. Э. Семенова, Л. Э. Семенова

V. E. Semenova, L. E. Semenova

*ГБОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования»,
Ниžний Новгород*

Nizhny Novgorod Institute of the Education Development, Nizhny Novgorod

*ФГБОУ ВО «Приволжский исследовательский медицинский университет»
Министерства здравоохранения РФ, Ниžний Новгород*

Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod

verunehka08@list.ru, verunehka08@list.ru

ВОЗМОЖНОСТИ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ОСНОВНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ДОШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

OPPORTUNITIES TO MEET THE BASIC NEEDS OF PRESCHOOL CHILDREN IN THE CONDITIONS OF MODERN SOCIAL REALITY

Аннотация. В статье обозначаются некоторые потребности детей дошкольного возраста, и анализируется возможность их удовлетворения в современном обществе.

Abstract. The article identifies some of the needs of preschool children and analyzes the possibility of their satisfaction in modern society.

Ключевые слова: потребности детей дошкольного возраста; образование.

Keywords: needs of preschool children; education.

В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом дошкольного образования приоритетным принципом во взаимодействии с детьми дошкольного возраста выступает уважение личности